

В. А. Фатеев

«ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ФУГИ» И «БОЕВЫЕ РАПСОДИИ»
22-ЛЕТНЕЙ ПЕРЕПИСКИ
(К ВЫХОДУ В СВЕТ ПЕРЕПИСКИ
В. В. РОЗАНОВА И П. П. ПЕРЦОВА)¹

Резюме

Статья посвящена двухтомному изданию полного собрания переписки В. В. Розанова и П. П. Перцова (499 писем), подготовленному сотрудниками Института русской литературы Е. И. Гончаровой и О. Л. Фетисенко и выпущенному Издательством «Пушкинский Дом» в серии «Русские беседы» в 2023 г. Это научное издание, посвященное переписке чрезвычайно популярного, хотя и противоречивого публициста, литературного критика, эссеиста и мыслителя В. В. Розанова с гораздо менее известным литератором П. П. Перцовым, который составил и издал четыре ранние книги писателя и тем самым проложил ему дорогу к известности, устраняет заметную лауну в освоении эпистолярного наследия Розанова.

Несмотря на гораздо большую известность В. В. Розанова, письма не столь знаменитого, но широко образованного и вполне самостоятельного критика, публициста, издателя и философа П. П. Перцова, имеющего по всем обсуждаемым вопросам собственное, независимое мнение, представляют собой важное «контрапунктное» дополнение к ним. Более того, часто письма Перцова являются своеобразной дружеской «поправкой» к идеям Розанова, предстающего перед читателем в этой переписке во всем блеске его безудержной фантазии и дерзких, а порой и шокирующих литературных «фуг» и «рапсодий». В статье рассматриваются индивидуальные особенности характеров и творческого почерка обоих корреспондентов. Прослеживаются основные этапы этой творческой дружбы, нашедшей отражение в письмах. Впервые публикуемая в полном объеме и с такими подробными, тщательно выполненными комментариями переписка представляет собой количественно и качественно новый этап в освоении эпистолярного наследия В. В. Розанова и П. П. Перцова в контексте изучения всего творческого наследия двух писателей, а также русской литературно-

¹ [Т. I; Т. II].

философской мысли Серебряного века. Выполненное на высоком профессиональном уровне, с широким охватом литературно-философской проблематики, издание переписки вносит существенный вклад в изучение русской культуры рубежа XIX и XX вв.

Ключевые слова: В. В. Розанов, П. П. Перцов, литература, переписка, эпистолярный жанр, письма, христианство, церковь, пол, семья, антихристианство, символизм, декаденты, новое религиозное сознание, революция

Valery A. Fateev

THE "ARTISTIC FUGUES" AND "FIGHTING RHAPSODIES" IN A 22-YEAR CORRESPONDENCE (ON THE NEWLY PUBLISHED COMPLETE CORRESPONDENCE BETWEEN VASILY ROZANOV AND PYOTR PERTSOV)

Abstract

This article is about the two-volume scholarly edition of the complete correspondence (499 letters) between Vasily V. Rozanov, a popular if controversial essayist and philosopher, and Pyotr P. Pertsov, a compiler, editor, and publisher of Rozanov's four early books, which paved the road to Rozanov's fame. The edition was prepared by Yelena I. Goncharova and Olga L. Fetisenko of the Institute of Russian Literature (St. Petersburg) and published by the Pushkin House Publishers in the series *Russian Conversations* in 2023. This publication of Rozanov's largest correspondence is an important contribution to the research of his epistolary heritage and of the entire Russian culture of the late 19th and early 20th centuries. Pertsov was not a famous person but a widely educated and independent critic, journalist, publisher, and thinker, who had his own opinion on all contemporary issues. His letters provide a "counterpoint" addition and often a friendly critical "correction" to the ideas of Rozanov, whose letters demonstrate all the brilliance of his boundless imagination and his daring, sometimes even shocking literary passages. The letters cover all the major phases of the creative paths of the two correspondents. This article also sheds light on various aspects of the literary life and ideological issues associated with the two Russian revolutions and demonstrates how these two political events affected the views of the corresponding writers. Although parts of these numerous letters have already appeared in different publications, this work is the first complete and thoroughly annotated edition that presents the epistolary legacies of Rozanov and Pertsov both within the context of the correspondents' entire creative work and of the literary and philosophical thought of the Russian Silver Age.

Keywords: Vasily V. Rozanov, Pyotr P. Pertsov, literature, correspondence, epistolary genre, letters, Christianity, Church, sex, family, anti-Christian, Symbolism, Decadent movement, new religious consciousness, Russian revolution

DOI 10.31860/2712-7591-2023-4-76-107

...Вам нельзя писать ни критики, ни о критике, а нужно давать художественные «фуги» или «боевые рапсодии».

П. П. Перцов²

Публикации полного научного издания переписки В. В. Розанова и П. П. Перцова, подготовленного Издательством «Пушкинский дом» в серии «Русские беседы», давно с нетерпением ожидали не только специалисты по русской литературе конца XIX и начала XX в., но и многие читатели, интересующиеся отечественной литературно-философской мыслью Серебряного века. Даже из опубликованных прежде фрагментов переписки Розанова с Перцовым было видно, что эти яркие письма относятся к лучшим образцам эпистолярного жанра. До выхода в свет данного полного издания переписка с Перцовым, уникальная в своем роде как по глубине мысли, так и по литературной выразительности, представляла собой самую большую лауну в творческом наследии В. В. Розанова, популярного философа-эссеиста, критика, историка культуры и публициста, чьи сочинения и письма активно публиковались на протяжении последних десятилетий.

Личность и творческие заслуги литературного критика, мыслителя, поэта, издателя П. П. Перцова менее известны, хотя он играл важную роль в литературных процессах начала XX в. и многие, в том числе и Розанов, отзывались о нем как о талантливом писателе и умном, благородном человеке. Замечательные «Литературные воспоминания» Перцова являются настольной книгой у каждого специалиста по эпохе символизма и всей русской литературе рубежа XIX и XX вв. Но по-настоящему читателям еще предстоит познакомиться с творческим наследием этого вдумчивого критика и самобытного мыслителя, и публикация переписки может стать важным толчком к росту интереса к творчеству Перцова. Приоткрытые в переписке историко-философские идеи так и не достроенной философской «системы» Перцова придают образу этого незаслуженно полузабытого литературного критика и публициста черты несколько загадочной, но глубокой и разносторонне одаренной личности. На фоне достаточно известного круга идей блиставшего парадоксами Розанова, возможно, именно оригинальные суждения часто полемизировавшего с ним, но незаслуженно обойденного вниманием потомков П. П. Перцова могут стать настоящим открытием этого издания. Наконец, диалог двух больших и самостоятельных литературных умов позволит

² [Т. I, с. 403].

глубже и конкретнее осветить насыщенную культурными событиями предреволюционную эпоху.

В контекст эпохи органично вводит читателя обстоятельная, охватывающая все стороны отношений и творческих биографий корреспондентов вступительная статья Е. И. Гончаровой. Тщательно выверенные опытными специалистами Института русской литературы тексты писем, подробные комментарии, опирающиеся на исследование огромного количества архивных материалов, всевозможные указатели и тщательно выверенные библиографические справки значительно облегчают восприятие публикуемой переписки. Детальные, но не отклоняющиеся от существа переписки комментарии образуют с содержанием писем единое целое, значительно расширяя и углубляя горизонты охвата литературных и философских тем.

Переписка выпущена Издательством «Пушкинский Дом» в серии «Русские беседы», которую отличает оригинальный, удобный в пользовании квадратный формат и собственный издательский стиль: исчерпывающая полнота корпуса писем, строго продуманный и научно обоснованный подход к текстологии, тщательно составленный и максимально детальный комментарий к изданию, а также обширный справочный аппарат для удобства читателей. Можно без преувеличения сказать, что книги этой серии не только относятся к числу лучших творений издательства, но и устанавливают своего рода «золотой стандарт» современного научного издания для отечественного литературоведения.

По мере того как остается всё меньше лакун в эпистолярной истории русской словесности, с каждым годом активного издания переписок выдающихся писателей истощаются и нетронутые архивные залежи бесценных писем. Восторженные отзывы Розанова о своем любимом жанре частных писем в новом издании, как и прежде, словно предвосхищают неизбежное истощение неизведанных фондов литературы и прочих гуманитарных сфер, которое неотвратимо грядет, ввиду того что литературные архивы уже не столь интенсивно пополняются письмами в нашу эпоху под натиском электронной почты, смартфонов и прочих гаджетов, убивших эту полную обаяния и интимности сферу человеческого общения. Подобно тому как Розанов сокрушался в «Уединенном» относительно предчувствуемого им конца литературного сочинительства, так и мы сегодня становимся свидетелями происходящего на наших глазах заката традиционного эпистолярного жанра. На протяжении нескольких веков развития русской культуры письма служили одним из основных способов интимного, личностного общения и вследствие этого стали позже одним из главных источников сведений о конкретных личностях и о той или иной исторической эпохе. Переписка

Розанова и Перцова — один из последних столь объемистых и содержательно значимых эпистолярных массивов раскованной мысли и пиршества стилистического разнообразия, которые становятся доступными каждому.

Не случайно Е. И. Гончарова взяла эпиграфом к своей вступительной статье к изданию одно из изречений В. В. Розанова по поводу красоты частных писем, хотя уже в этом высказывании сам писатель — и это еще на рубеже XIX и XX веков! — сетует, что эпоха частных писем отошла в прошлое.

Переписка Розанова с Перцовым, которая продолжалась более двадцати лет — с 1896 по 1918 год, — огромна: она состоит из 499 писем (из них Розанову принадлежат 232 письма). Это двухтомное издание имеет большую ценность не только как свод важнейших свидетельств по истории отечественной литературы и творческой мысли, но и с эстетической стороны — как выразительный документ яркой и богатой в творческом отношении переходной эпохи рубежа XIX и XX вв., получившей название русского Серебряного века. Розанов давно уже заработал репутацию признанного мастера эпистолярного жанра, да и вообще его теперь зачисляют чуть ли не в классики отечественной словесности. Казалось бы, эти письма далеко не равновеликих современников не могут представлять такого интереса, как, скажем, переписка того же Розанова с более именитыми собеседниками вроде Константина Леонтьева или отца Павла Флоренского.

Однако читатель быстро поймет, что письма Перцова также имеют большую самостоятельную ценность. Как подчеркивает Е. И. Гончарова, они не только не уступают розановским ни по стилистической яркости, ни по глубине и оригинальности мысли, но и во многом «открывают» и вводят в читательский обиход имя еще одного талантливого, яркого писателя и глубокого мыслителя, пока еще недостаточно известного широкой публике. Сам Перцов признавал, что, вероятно, это лучшие его письма. Нет сомнения, что общение со сложной, противоречивой, но открытой нараспашку душой парадоксалиста Розанова поспособствовало раскрытию тайников внутренней жизни довольно закрытой и сдержанной натуры Перцова. Одной из интересных особенностей этого издания является то, что по мере знакомства с письмами и упоминаемыми в них произведениями Перцова бледный и не вполне понятный образ многолетнего корреспондента Розанова как человека и писателя наполняется конкретным содержанием, обретает видимые, понятные очертания.

Розанов, не жалеющий для поощрения творчества друга хвалебных слов, не раз отмечал, что в письмах Перцов предстает перед читателем намного раскованнее и ярче, нежели в статьях, где он выглядит сдержаннее и «тусклее», так как слишком озабочен формой изложения и скован покло-

нами редактором. Розанов предполагал подготовить избранные письма Перцова к изданию, снабдив их примечаниями, в своей знаменитой ныне эпистолярной серии «Литературные изгнанники», однако не успел этого сделать.

Не будет преувеличением заметить, что в познавательном отношении это двухтомное издание превосходит самые смелые ожидания. Даже специалисты, вне всякого сомнения, найдут в этом двухтомнике много для себя нового и полезного. Что же касается обычного читателя, то комментарии выполнены с такой скрупулезностью и глубиной охвата, что с их помощью перед каждым погружившимся в чтение этой переписки словно разворачивается подробный и яркий рассказ о событиях и проблемах жизни и творчества, затронутых в письмах. А любой осведомленный в теме быстро оценит, какой огромный труд стоит за этим изданием, какую массу материала пришлось «перелопатить» издателям переписки, какое количество неизведанных архивных материалов было изучено и ненавязчиво вводится здесь в научный оборот.

Во вступительной статье прослеживаются и осмысляются все основные этапы совместного творческого пути писателей: отход Розанова от консерватизма, феномен «декадентства» и символизма в русской литературе, идеи «нового религиозного сознания», деятельность Религиозно-философских собраний 1901—1903 гг., журнал «Новый путь», который возник как печатный орган этих собраний и в котором Перцов и Розанов играли очень важную роль. Подробно освещена литературная и общественная жизнь рубежа XIX и XX вв., наложившая заметный отпечаток на отношения корреспондентов.

Фрагменты этого огромного корпуса писем уже появлялись в печати [Налепин, Померанская; 1900 год; Воспоминатели мгновений], но, впервые публикуемые в такой целостности и с такими подробными комментариями, они представляют собой количественно и качественно новый этап в освоении эпистолярного наследия В. В. Розанова и П. П. Перцова.

* * *

Розанов и Перцов познакомились в конце 1896 г. Очень симптоматично, что поводом для знакомства стала очередная статья Розанова, посвященная памяти его старшего друга и наставника — умершего в январе литературного критика и философа Н. Н. Страхова.

Перцов познакомился со Страховым незадолго до его кончины и бывал у него лишь раза три-четыре. Последний раз, как мы узнаем из комментариев, он был у Страхова за четыре дня до кончины, то есть около 20 января 1896 г. Этот почтенный философ и литературный критик, обстановка квартиры которого напоминала монашескую келью, был Перцову интересен

прежде всего тем, что знал толк и в философии, и в поэзии. Они обсуждали составленный Перцовым сборник «Философские течения русской поэзии» (1896), который готовился к изданию. Подобранные Перцовым стихи философского содержания сопровождались наиболее ценными, по вкусу составителя, статьями об этих поэтах. В следующий свой приход Перцов обещал принести вышедшую книгу, не предполагая, что это их последняя встреча, хотя Страхов и испытывал уже недомогание. Перцов сетовал после выхода книги, что Страхов был как раз тем единственным человеком, от которого «можно было ожидать о ней веского слова» [Перцов 2002, с. 161].

Неожиданная для Перцова кончина Страхова произвела на молодого литератора большое впечатление. А прочтя в ноябре прочувствованную статью-некролог Розанова, Перцов решился отправить ее автору письмо с изъявлением уважения к личности покойного и пожеланием познакомиться с самым близким Страхову человеком. Так началась их переписка и завязалось личное знакомство...

Перцов писал о Страхове как о дорогом ему человеке, благородном писателе религиозного по своей сути «служения». Страхова Перцов особенно ценил за сочетание литературного и философского ума. Привлекал он его и тем, что придерживался традиционных, но всё же умеренно консервативных политических взглядов. Розанов вспоминал позже, что их соединили с Перцовым интерес к «огромным умственным богатствам» Н. Н. Страхова и сострадание к нему как «неоцененному и непризнанному писателю» [Розанов 2014, с. 694]. Имя Страхова, связавшего Розанова с Перцовым, часто встречается и на последующих страницах переписки.

Перцов признавался в этом первом письме и в симпатии к сочинениям самого Розанова. Розанов, выйдя из-под опеки Страхова, проходил тогда период кризиса консервативно-славянофильских воззрений, и именно Перцов, «этот деликатный, начинающий писатель, почти либерал» [Розанов 2014, с. 694], но со «славянофильским» оттенком, сгладил крайности консервативного радикализма ставшего его постоянным собеседником Розанова своим дружелюбием и вниманием к его внутреннему миру. Как признает сам Розанов, Перцову было суждено сыграть важнейшую роль в его переходе от «ultra-консервативных» литературных увлечений раннего периода к новым знакомствам и неизведанным темам.

Тем временем Розанов, еще недавно обличавший «декадентов» как «сатанаилов», неожиданно даже для себя самого в этот период целиком погрузился в освоение новой и табуированной тогда темы взаимосвязи пола и религии. С изменившимися темами были, конечно, неразрывно связаны и его новые увлечения — Древний Египет и нумизматика. Перцов, который

в основном провел 1897 и 1898 гг. в Италии, содействовал развитию этих интересов Розанова, откликаясь на его увлеченные письма и приобретая для него монеты и фотографии исторических реликвий.

Перцов признавал, что «настоящий» Розанов начинается с этих его новых тем и увлечений: «Как ни ценить Ваши взгляды теперь, но всякий скажет, что Розанов нашел себя вполне только после „бегства в Египет“» [Т. I, с. 264], имея в виду, что именно поворот к язычеству, характерному для Древнего Египта, представляет нам «настоящего» Розанова. Но, как скоро выяснится, к крайностям сексуальной «египтологии» Розанова Перцов относился весьма критически.

Большую часть 1897–1898 гг. Перцов изучал в Италии искусство и архитектуру, и их более близкое знакомство с Розановым на раннем этапе происходило главным образом с помощью переписки. Из дошедших до нас писем Розанова видно, как быстро нарастало его увлечение Древним Египтом и ветхозаветным Израилем.

А вернувшись из Италии, Перцов был поражен, насколько изменились за это время взгляды недавнего консерватора Розанова. Это избавление Розанова от охранительного радикализма еще больше сблизило его с Перцовым, который стал как бы посредником в его сближении с символистами круга Мережковского и «декадентами» «Мира искусства». Роль Перцова в этом процессе трудно переоценить.

Уже к концу века процесс радикальной перемены воззрений Розанова близился к завершению. Переполняемый новыми идеями, Розанов писал Перцову в феврале 1899 г.: «Я еще в поиске глаголов, как всё это выразить. Мне нужно слов, слов и слов, а мысли — все в кармане» [Т. I, с. 339].

Розанов высказывает в переписке с Перцовым свои «фаллические» идеи с присущей ему открытостью, а иногда и с шокирующей, необычной даже для него смелостью. Особенность данного издания в том, что эти идеи тут же, под одной обложкой, получают весьма оригинальные, а нередко иронические и резкие оценки в письмах Перцова. Этот менее известный и, вероятно, уступающий Розанову по таланту «собеседник» отличается крепким, самостоятельным умом и неизменно высказывает по всем вопросам собственное, часто весьма оригинальное мнение. Их оживленная переписка представляет собой, можно сказать, многолетнюю непрекращающуюся дискуссию по самым разным проблемам литературы, философии, религии, политики, личных отношений. Именно письма Перцова благодаря обезоруживающей правдивости, остроумию и здравому смыслу их автора придают дополнительный оттенок драматической остроты и психологической глубины всей переписке. Но и пульсирующие энергией, живые и зажигаемые,

остро провокативные мысли Розанова получают в этом бурном многолетнем собеседовании дополнительные импульсы. Всевозможные нюансы этих литературных дискуссий и идейных полемик акцентированно освещены во вступительной статье и подробных, тщательно проработанных комментариях к изданию, которые, конечно, изрядно помогут читателю понять суть жарких споров корреспондентов и всей их своеобразной дружбы.

Если Розанов склонен к не знающей удержу дружеской фамильярности и панибратству в отношениях, то Перцов более всего ценит свою личную самостоятельность и держит дистанцию, оберегая независимость своих суждений. Он бывает строг и вежливо отстранен, а иногда и капризен. Нередко он прямо в лицо говорит неприятные вещи, сохраняя дружеский тон, а порой и сдабривая свои колкости изрядной долей иронии. При этом сам Перцов очень чувствителен к критике и склонен обижаться по малозначительным поводам. Обычно он достаточно широк и покладист до определенной черты, но когда дело касается принципиальных для него вопросов, он становится упрямым до непоколебимости.

Розанов, привыкший не слишком деликатничать со своими знакомыми и тем более друзьями, не раз своей бесцеремонностью обижал Перцова. Однако и сам он претерпел от Перцова, бдительно охранявшего от посягательств свое «я», немало обид. Такова была эта своеобразная дружба двух писателей, испытанная многочисленными спорами, размолвками и даже ссорами, обусловленными особенностями их характеров и превратностями их судеб.

Перцов, старавшийся всегда держаться независимо и на равных, розановской религии тела рано начал противопоставлять в письмах наброски собственной метафизики, над которой он начал размышлять в 1897 г. Выступая в печати обычно как публицист или литературный критик, Перцов всегда ощущал себя прежде всего *мыслителем*, и это важный момент, без учета которого невозможно понять его личность и многие особенности отношений с Розановым. Религиозно-философская система Перцова, которую он называл в те годы «Параболой» или «фугой», а позже — «Диалогией или «Космономией» и которую можно отнести к разновидности «нового христианства», играет в переписке внешне не очень заметную, но существенную роль.

Зафиксированные в письмах отношения Розанова и Перцова продолжались около 22 лет, однако ветви «параболы» этой «великой и прекрасной» дружбы были далеки от идиллической бесконфликтности или прекраснодушного бытовизма. «Диалектические беседы» [Т. I, с. 304] двух писателей философского склада очень часто осложнялись спорами и даже ссорами,

но эти размолвки не могли разрушить их взаимной дружеской привязанности. Более того, открытость и эмоциональность, составляющие неотъемлемое достоинство эпистолярного жанра, придают этому обмену мнениями частных лиц характер важных исторических дискуссий. Там, где корреспонденты ограничиваются лишь краткими намеками, на помощь читателю приходят подробные комментарии, ненавязчиво помогающие понять детали и воссоздать целостную картину того или иного исторического события.

В полемической заостренности писем сказалось как различие характеров и вкусов Розанова и Перцова, так и сложная, переменчивая общественно-политическая обстановка эпохи, в которой проходила эта переписка. Однако спустя некоторое время разногласия ослабевали, дружеские чувства брали верх и обиды стихали, а переписка снова набирала ход. По письмам видно, что корреспонденты очень симпатизировали друг другу и, несмотря на серьезные расхождения во взглядах, вкусах и темпераментах, их многое объединяло, влекло к общению.

Существенная черта обоих, явно способствовавшая сближению Розанова с Перцовым, — аналитический, философский склад ума, позволяющий им не только разбирать конкретные литературные или исторические вопросы, но и вскрывать метафизические «корни» интересующих их проблем. Одной из причин, по которым Розанов и Перцов тяготели друг к другу, несмотря на индивидуальные различия, была склонность к философии, даже философской метафизике. Перцов как-то заметил в одном из писем, что философия была важным связующим звеном в их отношениях: «Да, кроме того, оба мы — „философы“, и как-то этой метафизической близости я ни с кем не чувствую, кроме Вас» [Т. II, с. 405].

Розанов писал в редакцию «Мира искусства» в 1900 г., защищая Перцова от нападок М. О. Меньшикова, обидевшегося за критику Л. Н. Толстого и толстовцев: «Сколько я постигаю способности г. Перцова, он критик-конструкционист, его более всего занимают конструкции всемирной истории...» [Розанов 2014, с. 694]. Это конструктивное начало составляет одну из неотъемлемых черт творческой личности Перцова. Розанов быстро понял, что вообще за весьма скромной литературно-критической деятельностью Перцова кроется основательная философская подготовка и глубокий, склонный к метафизике и религиозности аналитический ум.

Из этого несколько отвлеченного склада личности, тяготения к обобщающим теоретическим построениям из жизни народов, цивилизаций, общественных движений вытекает, по мнению Розанова, живой интерес Перцова к таким сродным умам, как Н. Я. Данилевский и Д. С. Мережковский. Нельзя не добавить сюда еще и интерес Перцова к идеям о «триедином процессе

развития» К. Н. Леонтьева. Перцов даже опасался, что Леонтьев «чуть не похитил» у него из-под носа (то есть приоткрыл ранее) заветную идею его «Параболы» в своей теории триединого процесса [Т. I, с. 264]. О близости «исторической философии (или, наоборот, философической истории)» [Т. I, с. 209] «конструкциониста» Перцова с историософскими идеями Н. Я. Данилевского говорит, например, идея «славянского синтеза», которую они оба разделяли. Поддерживает Перцов и выдвинутую Данилевским геополитическую мысль о Константинополе как будущем центре восточнохристианского союза. В то же время взгляды Перцова несравненно либеральнее, чем воззрения автора «России и Европы». Подтверждением этому в переписке является блестящая отповедь Розанова, пристыдившего Перцова за положительное упоминание «пошлого» дарвинизма в статье, посвященной юбилею кончины друга Данилевского Страхова (1916).

Правда, прямое сходство с самим Розановым как мыслителем Перцов отрицал, скромно отзываясь в письме к С. Н. Дурылину об умозрительных построениях своего историософского труда: «Вообще мой духовный тип совсем не розановский, и „жизни“ Вы у меня не найдете. Только „схемы“ и „схемы“, вне-жизненные и сверх-жизненные...» [Резниченко, с. 76].

Розанов тоже признавал, что философские воззрения, выражаемые Перцовым в «Параболе», имеют мало общего с его идеями о связи пола и религии: «Вы с „фугой“ и я „с Египтом“» — трубим каждый в свою „живогласную трубу“, и от этого нам действительно трудненько понимать друг друга» [Т. I, с. 246].

Однако Перцов находил нечто общее со своими идеями в розановском «органицизме» и выраженной в книге «О понимании» идее «потенциальности» (у Перцова — «потенция энергизма» [Т. II, с. 165]).

* * *

В августе 1898 г. Перцов, высоко ценивший Розанова как писателя и уже имевший издательский опыт, принимает очень важное решение об издании сборника статей Розанова. Задумывая это издание, Перцов, как и в прежних своих издательских предприятиях, не преследовал коммерческих целей, хотя его средства, полученные благодаря наследству, и не были велики. Однако Перцов взялся издавать Розанова и не из-за возникших у них приятельских отношений. Тут преобладали идейные причины, и прежде всего мотив высокого «служения»: Перцов был уверен, что привносит тем самым вклад в развитие отечественной литературы. Восхищаясь литературным талантом Розанова, он писал ему в 1897 г. из Италии: «Ах, какой вы удивительный писатель! (...) в одной России возможны теперь такие писа-

тели» [Т. I, с. 159]. А в своих воспоминаниях Перцов прямо заявлял, что считал Розанова «гениальным человеком» [Перцов 2002, с. 263]. Перцов ценил Розанова не только как писателя, но и как религиозного человека, остро ощущающего таинственную взаимосвязь «с мирами иными». Важную роль сыграл во взаимном тяготении и «русофильский» настрой обоих, хотя у Розанова эти настроения как раз пошли на спад, а Перцова всегда отличала рассудительная умеренность.

Как бы то ни было, важно подчеркнуть, что именно из присущего ему благородного идеализма, а не из каких-либо коммерческих расчетов Перцов, отложив собственные творческие дела, вызвался издать сначала один, а потом и еще три сборника статей Розанова, до тех пор разбросанных по периодической печати.

Но даже приняв решение об издании книг Розанова, Перцов позволял себе во многом не соглашаться с ним. Споря с Розановым, Перцов излагает в письмах собственное понимание христианства и прямо выражает нежелание включать некоторые антихристианские статьи Розанова в издаваемые им сборники: «Непонятно, как Вы не видите, что Вы и христианство имеют *одних и тех же врагов — людей безрелигиозных* (коих ныне легион). (...) ведь каждый Ваш удар против христианства есть грех перед Отцом нашим (...) Ну, теперь Вы поймете, почему я многие Ваши статьи с полемикой против Христа в сборник не пушу: пусть их кто-нибудь другой издает» [Т. I, с. 314].

Читатель переписки узнает много новых подробностей о содержании книг Розанова «Сумерки просвещения» (1899), «Религия и культура» (1899), «Литературные очерки» (1899), «Природа и история» (1900), а также об истории их издания П. П. Перцовым в соработничестве с автором. После выхода в свет этих книг Розанов был несказанно счастлив: благодаря Перцову он вступал в новый век уже не начинающим литератором с неясным профилем и к тому же довольно скандальной репутацией, но серьезным, состоявшимся писателем и мыслителем, имеющим собственное лицо.

Однако отношения Розанова и Перцова складывались непросто. Любопытный эпизод произошел, например, в марте 1899 г. Розанов, страстно желая хоть чем-то отблагодарить своего друга, столько для него сделавшего, организовал для него, казалось бы, интересную литературную работу — разбор для газеты сочинения о Пушкине немецкого критика К. А. Фарнхагена-фон-Энзе [Т. I, с. 346]. Перцову, не раз писавшему о Пушкине, такая работа должна бы пришлась по душе, однако он отказывается от нее чуть ли не со словами упрека: «Мое „Я“ для вас вовсе неясно...» [Т. II, с. 349]. И добавляет капризно, хотя и прозорливо, что Розанов из-за «глубокого индивидуализма» не способен «схватывать чужую индивидуальность».

Постепенно Розанову откроется тайна отказа: уже в эти годы Перцов пребывал в сфере захвативших его «теоретических волнений» [Т. I, с. 239] — он занят на досуге обдумыванием своего главного, большого историсофского труда. Это выглядит очень по-русски, и если учесть, что это главное творение его жизни так и не будет никогда завершено, то эпизод еще раз говорит о том, что Перцов был, подобно Розанову, далеким от практичности мечтателем-идеалистом, но на свой, особый лад.

Розанов, надо полагать, был таким ответом на заботу обижен, но вида не подал. «Норовистый» Перцов с самого начала старался показать свою независимость и самостоятельность решений, и Розанову приходилось это принять, тем более что работа над изданием его сочинений была в самом разгаре.

Позже, в 1916 г., Розанов так сформулировал этот выработанный с годами примирительный подход к их постоянным спорам с Перцовым: «У всякого человека свой упор души. У всякого свои путь и судьбы. И мы не должны впадать „в чужие пути“, я — „в Ваши“, Вы — „в мои“» [Т. II, с. 557].

А Перцов в 1899 г., когда книги Розанова стали приобретать уже четкие очертания, выступил вдруг с резкой критикой издаваемого им автора. Статья «Эквилибристика Розанова», опубликованная в «Русском труде» [Перцов 1899, с. 5–7] была вызвана недовольством Перцова тем, что Розанов «загипнотизирован „изысканиями вокруг Фаллуса“» [Т. I, с. 506] и к тому же опубликовал эту «софистику» в имевшем сомнительную репутацию «Гражданине» князя Мещерского. Правда, Розанова Перцов предупредил заранее: «Думаю обругать Вас хорошенько в „Русском труде“» [Т. I, с. 506]. Впрочем, Розанов и к этой статье, где Перцов обвинял его в «эротоманстве», отнесся без большой обиды — издание Перцовым сочинений Розанова перекрывало все расхождения.

Но мало того: Перцов, редактируя сборник статей Розанова, не особенно с ним церемонился — например, выкинул статьи Розанова с нападками на славянофилов: мол, весь сборник был *за* славянофилов и получается, что эти статьи — аргументы против себя.

Всё же совместная работа над изданиями этих книг, само собой, очень способствовала развитию дружбы между Розановым и Перцовым. Их переписка в 1898–1900 г. получилась особенно объемистой и, что немаловажно, чрезвычайно содержательной, так как в ней значительное место занимает конкретное обсуждение произведений раннего Розанова с точки зрения их ценности для включения в издание. Получилось так, что благородство и бескорыстие Перцова с особой наглядностью проявились в предпринятом

им издании сочинений Розанова, и этот факт наложил отпечаток на все их дальнейшие отношения, сглаживая противоречия и взаимные обиды.

* * *

В отношениях Розанова и Перцова было много неожиданных коллизий и крутых поворотов. Размеры рецензии, конечно, не позволяют рассмотреть их все в подробностях. Остановимся кратко хотя бы на некоторых из них.

Так, в начале 1900 г., завершив подготовку к выпуску всех четырех запланированных им книг Розанова, Перцов узнает, что А. С. Суворин предложил Розанову издать второй том сборника «Религия и культура». Предполагалось, что в этот том войдут последние сочинения Розанова на тему пола, привлекая к себе внимание. Перцов соглашается редактировать этот том, но при этом весьма категорично велит автору «слушаться его беспрекословно» [Т. I, с. 529], так как считает, что сам Розанов в редакторы не годится и составленный им предварительный список будущего тома нуждается в корректировке. «Вы ужасно „субъективны“ и просто не подозреваете ансамбля постороннего впечатления. И поэтому слушайте!» [Т. I, с. 529]. Перцову еще кажется, будто стихийным Розановым можно управлять и он способен на послушание.

Однако через месяц происходит неожиданное. Нет, не Розанов не пожелал «слушаться», как можно было ожидать, а резко изменилось настроение самого Перцова. Он вдруг отказывается от участия в подготовке нового, пятого по счету сборника статей Розанова, всецело погрузившегося в тему религии и пола. Перцов сообщает, что вынужден дать отказ, так как не учел возникшее у него «ощущение некоей пресыщенности» [Т. I, с. 544] вследствие всепоглощающего увлечения Розанова «брачными арабесками».

Можно представить себе огорчение Розанова после отказа Перцова продолжить издание сочинений друга, но их дружбы это не нарушило. Все-таки Розанов был Перцову искренне благодарен за самоотверженный труд и бескорыстную финансовую помощь, ибо желание практичного Суворина участвовать в издании показывало, что подготовленные и изданные Перцовым четыре книги Розанова «пробили дорожку» [Т. I, с. 528] к читателю и его творчество становилось «ходким» товаром.

Розанов, увлеченно осваивая полузапретную тему, настаивал на том, что он остается в пределах христианства и даже, доказывая религиозную чистоту пола, по-своему проповедует христианское целомудрие: «Тут нужно понять, что возводя coitus и genitalia к теизму — я и начинаю, первый в христианстве начинаю половое целомудрие...» [Т. I, с. 238].

Вообще Перцов терпимо и с пониманием относился к религиозно-философским исканиям Розанова. Издатель сочинений одержимого новой темой Розанова глубоко проник в суть его антихристианского религиозного бунта уже в 1898 г., еще до того, как недавний славянофил неожиданно для многих широко развернулся с этой темой в печати. Перцов признавал правоту «первооткрывателя» в том, что пол действительно ноуменален, а тело божественно, но считал религию пола Розанова односторонностью, полуправдой: «Вы правы: конечно, тело — божественно; конечно, coitus ноуменален и есть соприкосновение мирам иным...» [Там же, с. 256].

Однако выяснилось, что радикальный поворот Розанова от христианства в сторону сексуализации религии всё же совершенно не устраивал Перцова ни с философской, ни с религиозной точки зрения.

Свой непримиримый спор с христианством и церковью, «многолетнее переступание на почву язычества — юдаизма», поиски в сфере пола Розанов воспринимает в свете своей семейной истории как «спор семейного *религиозного* человека» на почве «почему-то неулаженной семьи» [Т. II, с. 365–366]. По мнению Перцова, религия пола, которую исповедует Розанов, «отвечает раннему обществу людей — детей...» [Т. I, с. 267].

Перцов глубоко проникает в суть антихристианского религиозного бунта Розанова и довольно терпимо относится к его идеям. Однако розановской религии тела, которой Розанов пытался придать универсальное значение, Перцов противопоставляет собственную метафизику, которая представляет собой разновидность «нового христианства», и приводит для наглядности чертежи «земной параболы» с направлением Христа и направлением антихриста, а также парабол будущих миров красоты и истины с развитием от «волевого» мира Бога Отца к религии Бога Сына и Св. Духа.

Перцов считает, что Розанов стоит перед неразрешимой и мучительной «антиномией тела и духа» и остро, как, может быть, никто другой, ощущает, что «мир удалился от Бога». Главную причину Перцов видит не в недостатках земного христианства, которые он тоже признает, как и Розанов, а в забвении Бога [Т. I, с. 313], из чего вытекает и потеря семьи как религии. В этом Перцов отчасти совпадает с Розановым. Однако он выражает веру, что эта «эпоха напряжения *демонизма*» стихнет и человек снова ощутит Бога «живым касанием» [Т. I, с. 312].

Перцов так обобщает свою точку зрения на новое религиозное учение Розанова: «Настоящее заглавие (...) всего строя Ваших идей, развернутого во всю ширь его, — „*Религия тела*“ или „Телесное откровение Бога“» [Т. I, с. 267].

На основе умозаключения о том, что проповедь Розанова религиозна и направлена против Христа, Перцов делает логичный и почти шуточный,

но все-таки обличительный вывод: «Вы — один из предшественников Антихриста (пожалуйста не обижайтесь!)». И далее Перцов в характерной для него дружелюбно-язвительной манере живописует свою фантазию из будущего, как в каком-нибудь «антихристовом Риме» «новый М(икель-Анджело)» распишет новую Сикстинскую капеллу и, «конечно, поместит он в люнетах ее портрет Вас. Вас. Розанова с арабеском из цифры 666 вокруг» [Т. I, с. 255–256].

Описывая позже в «Воспоминаниях о В. Розанове» нашумевший инцидент с падением Розанова со стула на лекции Соловьева об антихристе в 1900 г., Перцов применяет близкое к использованному в письме выражение, называя Розанова «нашим доморощенным антихристом» [Перцов 2002, с. 349].

Перцов замечает, что, нападая на христианство, Розанов не окончательно порвал со Христом: «...Вы, штурмуя христианство, смущаетесь упреком Христу» [Т. I, с. 255]. В этом противоречии Перцов то видит серьезный недостаток идей Розанова и советует убрать остатки симпатий к христианству из его учения ради последовательности, то сам отстаивает перед ним Христа и христианство.

Так, в 1903 г., в период «Нового пути» и Религиозно-философских собраний, в наивысшей, пожалуй, точке разработки Розановым его сексуальной философии, Перцов, разделяя многое в критике «номинализма» официального христианства, продолжал защищать Христа и его учение: «Конечно, дрянно, т. е. *дряхло* стало в христианстве. Но Сын-то Человеческий тут при чем? Он ведь и *еще* придет — с Ним не кончено. (...) Сын Человеческий вечен, а с религией его неблагоприятно до очевидности» [Т. II, с. 47–48].

Перцов считает, что и Розанов, нападая на христианство, по-прежнему любит Христа. Этим он объясняет религиозные колебания Розанова в разные периоды жизни. Духовная противоречивость мыслителя сказывалась даже в периоды его страстного увлечения темой пола. Так, Розанов писал в 1910 г.: «Да ведь вот и я всё пишу о „чувственности“: а на деле-то всегда любил духовную красоту, ее solo — и чтобы „с грустным оттенком“. Верно, Христа „ни постом, ни крестом“» — сидит в нас — да и только» [Т. II, с. 299]. Читатель найдет в переписке разных лет множество размышлений обоих корреспондентов на религиозные темы.

* * *

Не будет лишним еще раз подчеркнуть, что литературные судьбы двух участников переписки складывались очень по-разному. Розанова, несмотря на всю противоречивость и переменчивость его суждений и пережитые им

в некоторые периоды жизни бытовые трудности, можно считать «баловнем судьбы» — его все-таки рано признали писателем более чем успешным. Правда, в его известности немалую роль играли связанные с его именем скандалы, вызванные сначала консервативными крайностями, а потом «неприличными» темами, однако и его выдающийся литературный талант никто не отрицал. А начавшееся в 1899 г. многолетнее постоянное сотрудничество в «Новом времени» после нескольких лет нужды и поденщины сделало Розанова вполне обеспеченным и известным всей стране публицистом. В наши дни, после десятилетий полного забвения, Розанов стал одним из самых читаемых и издаваемых писателей и мыслителей. Издано собрание сочинений Розанова в 30 томах, начато издание полного собрания сочинений...

Впрочем, о биографии и своеобразных чертах творчества Розанова нет нужды здесь подробно распространяться — о нем за последние десятилетия составилась уже довольно большая литература на разные вкусы. И каждый из тех, кто имеет пока смутное представление об этом очень необычном и ярком писателе, легко может подобрать себе источник сведений о его жизни и творчестве, в том числе даже две книги в популярной серии «Жизнь замечательных людей». Однако и тем, кто хорошо знает и любит Розанова как писателя, эта переписка доставит немало счастливых минут восторга перед незнакомыми прежде вспышками его гениального, неповторимого стиля и обогатит их познанием множества дополнительных ярких черточек к психологическому портрету писателя.

Иначе складывалась творческая биография П. П. Перцова. Продолжи он успешно начатое в 1890-е гг. сотрудничество в народническом «Русском богатстве» Н. К. Михайловского, прочившего ему в критике карьеру Белинского, он наверняка стал бы преуспевающим и щедро издаваемым литератором доминировавшей в идейной жизни предреволюционного общества оппозиционной группировки проповедников «гражданственности». Однако Перцов, разочаровавшись в эстетической глухоте и безбожии утилитаристов-народников, предпочел узкий кружок далеких от политики искателей «новых путей» в литературе, философии и искусстве, получивших прозвище «декадентов» и эстетов. В 1900-е гг., когда деятельность этого кружка развернулась в привлечшие широкое внимание Религиозно-философские собрания и близкие Перцову по духу журналы «Мир искусства» и «Новый путь», он немало поспособствовал пышному расцвету русского символизма и «религиозно-философского Ренессанса». Однако Перцов всё время оставался на вторых, вспомогательных ролях, где надо было много трудиться, а слава неизменно доставалась другим — таким как Мережковский и Розанов, для которых он очень многое сделал.

Нет сомнения, что литературная судьба Перцова сложилась несправедливо и по своим талантам и знаниям он был явно достоин большего. Розанов, с его острым чутьем к несправедливым судьбам «литературных изгнанников», всячески старался помогать другу. Перипетии не слишком удачной газетной деятельности Перцова, который никак «не мог найти своего места в литературе» [Т. II, с. 294], получили подробное отражение в письмах. От неудачной судьбы во «мраке неизвестности» нарастали обиды Перцова на хлопотливую, но беспорядочную редакцию «Нового времени», забывчивую и невнимательную к второстепенным сотрудникам. Иногда часть этих обид он не вполне справедливо переносил на погруженного в собственные заботы и не слишком умелого ходатая по делам Розанова. Розанов, пытаясь помочь, говорил Перцову, что ему больше подошло бы научное исследование литературы или искусства, а не сотрудничество в газете — «изобретении Дьявола» [Т. II, с. 295]. Он объяснял, что в газетном деле нужны не глубокие философские размышления, к которым явно тяготел Перцов, а броские, фельетонного типа статьи, которые приунылся писать, например, сам Розанов.

Помимо прочего, Перцов, в отличие от Розанова, считал, что «Новое время» для него лишь «нечто промежуточное», и к тому же опасался, что «нововременство» навсегда испортит его будущую репутацию. Тем не менее обстоятельства складывались так, что ему приходилось больше сотрудничать в консервативной периодике. Но в «Новом времени», куда он снова прибился после прекращения «Мира искусства» и «Нового пути», а затем смены редакции в «Голосе Москвы», печатали его неохотно: многие статьи отвергали сразу, а принятые то забудут напечатать, то отложат и потом затеяют.

В 1910 г. после осложнений, связанных с тем, что Розанов не сумел помочь Перцову, вынужденному из-за здоровья жены находиться в Крыму, заочно наладить сотрудничество с редакцией «Нового времени», Перцов сорвал свое отчаяние из-за неудач на Розанове. Он оскорбился на какой-то «окрик» в не дошедшем до нас письме Розанова, уставшего от тяготивших его заданий Перцова, и довольно резко отчитал многолетнего друга за грубость [Т. II, с. 311]. Розанов извинился за непреднамеренную обиду, а Перцов, поостыв, писал, что «худой мир лучше доброй ссоры» [Т. II, с. 316].

А в 1915 г. Перцов пережил настоящую катастрофу: на седьмом году сотрудничества в «Новом времени» его без всякого повода и предупреждения лишили в газете постоянного жалованья. Да и к этому времени стало очевидным, что по духу он — не «нововременец» [Т. II, с. 213]. Перцов и сам осознает это, утешая себя тем, что у него «одна тема, но до нее еще не дошел черед» [Т. II, с. 213]. Он имеет, конечно, в виду свой самостоятельный

философский труд, хотя с этой главной своей темой он никуда не торопился, ожидая, что и на нее придет спрос.

Розанов всячески пытался подбодрить Перцова, побудить его к творческой работе и предостерегал от судьбы Обломова и Тентетникова: «...бойтесь судьбы гениального Тентетникова. Мы, русские, особенно любим вставать на эти рельсы, ведущие к туфлям и кровати» [Т. I, с. 150].

Перцов не обиделся: «Вы спрашиваете меня, отчего я не пишу ⟨...⟩ и предостерегаете от „судеб“ Тентетникова. Что ж, Тентетников во мне есть, конечно, как и в каждом „взаправду“ русском. Это даже национально у нас. Вот в Мережковском, напр⟨имер⟩, нет Тентетникова» [Т. I, с. 158]. Сколько ни подгонял Розанов Перцова разными ухищрениями, дело с фундаментальным историософским трактатом так и не двигалось.

Розанов раз за разом сокрушался, что Перцову недостает некоторых качеств, необходимых, чтобы «выйти из тени», достичь популярности. А главное — из-за «тенистости» и «отдаленности» из него не получается настоящего «товарища жизни», так как «у него „нет смеха и у него нет рыдания“»: «Вы *ужасно* серьезны, и это Ваше бедствие и даже просто жизненный и моральный дефект. ⟨...⟩ Таким образом, в Вас мало движения, нет будней („вверх ногами“) и нет праздника („масляницы“). ⟨...⟩ Вы всё думаете, а не живете. ⟨...⟩ Итак, труд и мышление — но где же человек? Вы ужасно похожи на Страхова...» [Т. I, с. 301–302].

«Дух» Страхова словно витает над многими страницами переписки. Но утверждение Розанова о сходстве его более молодого друга по складу личности с методичным мыслителем Страховым Перцов отвергает. Он делает любопытное аллегорическое сопоставление характеров, прибегая к оригинальной «хроматической» форме: если у Страхова преобладающий цвет — белый, впечатление «белых лучей», то у него, Перцова, всё цветное, как и у Розанова. Только нет ярко-красного, «египетского» цвета с красными лучами, «по-живому жгучими», а преобладают бледные, акварельные тона [Т. I, с. 305]. Подобных ярких, образных характеристик читатель найдет в переписке превеликое множество.

Но нечто общее со Страховым в Перцове, конечно, было. Перцов тоже пытался воспитывать Розанова, причем нередко ссылаясь на авторитет ушедшего из жизни старшего друга писателя: «Покойный Н(иколай) Н(иколаевич) потербил бы Вам ушко за эту фразу» [Т. I, с. 362]; «А в сущности, видно, Страхов оставил мне в наследство свои слезы о Вас» [Т. I, с. 395]. Можно сказать, что к Перцову сама собой перешла роль покойного наставника Розанова, делавшего Розанову похожие упреки «за отсутствием Стра-

хова»: «Нельзя выходить в залу в халате нараспашку и в туфлях без задков» [Т. II, с. 375].

Поклоннику «халатной» литературы Розанову, на вкус которого «собственно, все книги — и должны быть такие, т. е. „не причесываясь“ и „не надевая кальсон“» [Розанов 2010а, с. 217], такой ригоризм казался, конечно, слишком назидательным и скучным.

К благородному, но сдержанному Страхову Розанов испытывал как «глубоко любящее и почтительное отношение», так и тяготившее его едва сдерживаемое чувство неискоренимой дисгармонии с моральной строгостью старшего друга. Признание этого двойственного чувства вырвалось однажды у Розанова в неожиданном завершении высказывания с похвалами своему литературному опекуну: «Вот старый дуб, корни которого, ноги которого так хочется омыть, но, омыв, бежать в безвестную даль» [Розанов 2008, с. 7]. На эту многозначительную оговорку к благостному образу Страхова не случайно, конечно, обратил внимание Перцов в воспоминаниях о Розанове [Перцов 2002, с. 261]. Розанов, утратив духовное водительство строгого Страхова, с безудержной энергией развернулся в сторону язычества и иудаизма, оставив славянофильские заветы своего ушедшего наставника.

Тот же оттенок внутренней дисгармонии при вполне дружеских отношениях незримо ощущается на протяжении всей переписки между Розановым и Перцовым. Розанов, как верно подмечает Е. И. Гончарова, постоянно подчеркивал нравственное превосходство Перцова с его «врожденным тактом любви» [Т. II, с. 350], однако ему явно не хватало в общении с «корректным» Перцовым интимности и, может быть, безудержной бесшабашности: «Эх, если бы Вы были поживее и поинтимнее. А то „корректность“ Ваша связывает язык собеседнику. Но так много хочется сказать, как нужно бы. И вы без корней в почве (...) А иногда Вас и любишь за корректность... А интимного все меньше у человека и в жизни» [Т. I, с. 605].

Но здесь вспоминается другой эпизод переписки, связанный с иным толкованием «интимности» в литературной борьбе, при котором и Перцов оказывается среди «своих». Именно в интимном Розанов видел важное начало, определяющее их расхождение с либералами типа Михайловского: «За что мы боремся? Почему „Страхов“, а не Н. К. Мих(айлов)ский? Отчего вообще такое расхождение и пылающая вражда? (...) мы воюем против погребения и против отрицания и порицания индивидуальной души человеческой (...) борется именно интимное с внешним» [Т. II, с. 363]. «Согласитесь, что Н. К. Михайловскому „интимность“ вполне не нужна, не интересна, и звучит дико и даже „некультурно“. Ему — и всем „им“» [Т. II, с. 362].

Как ни удивительно, но и закрытый, сдержанный Перцов согласился с Розановым в выявлении сути вражды с «Михайловскими»: «Бросается в глаза основное: они — „безбожники“ (...) Правда тоже, что у них нет „интимного“. Ибо, кажется, где „я“ — там и „Бог“» [Т. II, с. 373]. И это пишет Перцов, которого Розанов упрекал как раз в недостатке интимности! Впрочем, Перцов трактовал здесь «интимное» как «религиозное», а в понимании религии они с Розановым очень сильно расходились.

Хотя Перцов и признавал за Розановым большой талант, а о себе говорил со скромностью, что его «голосок (...) тоненький» [Т. I, с. 97], однако он спорил с Розановым на равных и убежденно отстаивал в полемике свои мнения. На этом «контрапункте», можно сказать, строится основная «мелодия» данной переписки.

В характере скромного и деликатного Перцова не раз проявлялась такая особенность, что он при всей своей сдержанности не стеснялся прямо говорить Розанову о его недостатках. Его критические высказывания были сдобрены изрядной долей особого перцовского юмора, граничащего с язвительностью. Порой, когда его замечания были чересчур резкими, Розанов обижался, но, видя бескорыстие Перцова и особенно помня о том, что тот сделал для него, издав его книги, он смягчался и прощал своему другу его выпады. Так во взаимных спорах, ссорах и уступках и проходило их многолетнее общение.

* * *

Переписка интересна литературными «портретами», которые вырисовываются из столкновения мнений Розанова и Перцова, обычно не совпадающих, но дополняющих друг друга, а также «дорисованных» обильными комментариями. Помимо главных действующих лиц, в письмах можно найти немало интересных, обстоятельных зарисовок современников из круга их общения и острых мимолетных характеристик общезначимых исторических личностей.

Так, в корреспонденции содержатся любопытнейшие детали к характеристикам таких достаточно известных лиц, как Н. К. Михайловский, Н. Н. Страхов, Вл. С. Соловьев или Д. С. Мережковский. Но не менее интересны и ценны характеристики, данные в переписке и не столь именитым личностям — таким как И. Ф. Романов-Рцы, Б. В. Никольский, Ф. Э. Шперк, Д. П. Шестаков или А. А. Александров, а также многим другим писателям, мыслителям и политикам рубежа XIX и XX вв.

Одним из часто упоминаемых в переписке мыслителей, помимо Страхова и Мережковского, был Вл. Соловьев. Из переписки видно, что отно-

шение и Розанова, и Перцова к Вл. Соловьёву было вполне уважительным. А Зинаида Гиппиус, например, даже называла Перцова «молодым соловьевцем» и «поклонником Соловьёва» [Гиппиус, с. 102, 283].

Перцов, действительно, не раз писал об этом известном философе, да и его воспоминания «О Вл. Соловьёве» [Перцов 2002, с. 334–349] свидетельствуют о глубоком уважении к апологету философии «всеединства» и Вечной Женственности, хотя иногда прижизненные отзывы Перцова носили критический характер. Во всяком случае, ни сами воспоминания Перцова, ни его письма к Розанову не дают явных оснований называть Перцова «соловьёвцем». У него со знаменитым философом было лишь несколько деловых встреч, связанных с намерением включить статьи Соловьёва в книгу «Философские течения русской поэзии». Перцов относился к личности Соловьёва весьма скептически и считал, что подлинная дружба с Соловьёвым невозможна: даже такой сдержанный человек, как он, отмечал тот «пафос расстояния», который существовал между Соловьёвым и другими людьми. Перцов писал, что с отчужденным от людей Соловьёвым были невозможны даже отношения «товарищеского ученичества», долгие годы связывавшие его с Мережковским: «С Соловьёвым у меня не пошло дальше шапочного знакомства, и я даже не представляю себе возможности подлинной с ним дружбы» [Перцов 2002, с. 338].

После этих встреч Перцов не раз отрицательно оценивал сочинения философа. Так, 22 июля 1899 г. он писал о Соловьёве: «Я читаю теперь его полемику со Страховым о Данилевском — препротивное впечатление (...) Как понятно, что он продался Стасюлевичу из-за чечевичной похлебки либеральных успехов» [Т. I, с. 429].

Еще резче были прижизненные отзывы о Соловьёве Розанова. Однако после кончины философа Розанов отозвался о Соловьёве как о крупной утрате: «Большая потеря для ума России» [Т. I, с. 591], — хотя и признавал, что жизнь Соловьёва «была шатка» и им приходилось часто спорить. Перцов поддержал положительный общий тон статьи Розанова: «Ведь к(ак) верно именно заслуга в том, что он показал первый в России, что можно быть умным человеком и верить в Бога» [Т. I, с. 595]. Перцов одобрил покаяние Розанова в «уколах» Соловьёву и сожалел, что и сам «шпынял покойника» — «а он был все-таки „наш“» [Т. I, с. 596].

Но когда Розанов вскоре назвал Соловьёва «ложным пророком» [Т. I, с. 606], Перцов с ним не согласился, посчитав, что между ними и Соловьёвым существует более глубокая внутренняя связь: «Конечно, мы с ним в одной исторической полосе: если он — „лже“, то и мы — „лже“» [Т. I, с. 608].

В 1911 г. в прекрасной статье «О старом и новом» Перцов сравнил Соловьева с Розановым как мыслителей, отдав явное предпочтение менее авторитетному Розанову. Он показал, «насколько мышление Розанова более самостоятельно и, как всякая действительная „новизна“, более непривычно для нас, чем общий ход мысли Соловьева, несмотря на все его парадоксальные выходки» [Воспоминатели мгновений, с. 262].

Что касается Мережковского, этого влиятельного писателя эпохи символизма, с которым Розанов и в большей степени Перцов довольно долгое время, до того, как их пути окончательно разошлись, были близки, то ему в переписке уделяется, конечно, очень много внимания.

Привязанность Перцова к Мережковскому и его идеям была, естественно, более прочной, чем к Вл. Соловьеву. В 1897 г. он издал книгу Мережковского «Вечные спутники», посвященную западным писателям. Зинаида Гиппиус писала о Перцове, познакомившем их с Розановым: «Перцов вообще был первым издателем Д. С. Мережковского, как первым издателем-редактором нашего общего журнала, который стал выходить в 1901 г. (с отчетами Собраний). Перцов был наш „содеятель“. Сам, как писатель, не очень яркий, но человек с большим вкусом и большим умом» [Гиппиус, с. 291].

О своей привязанности к Мережковскому Перцов откровенно пишет Розанову из Италии в декабре 1897 г.: «Ну а известна приверженность моя к Д(митрию) С(ергеевичу) — куда он, туда и я» [Т. I, с. 154]. В. Брюсов в октябре 1898 г. после посещения Перцова записывает в дневнике: «Перцов все тот же — отражение Мережковского...» (цит. по: [Т. I, с. 161]).

Встречи кружка Мережковского, как отмечает Перцов в «Литературных воспоминаниях», чаще всего происходили в его холостяцком жилище, которое он снимал в знаменитом доме на Пушкинской. Когда к кружку присоединился Розанов, все члены кружка Мережковского и группа художников «Мира искусства» стали собираться по воскресеньям у Розановых на Шпалерной.

Розанов, который не был Мережковским очарован в такой степени, как Перцов, тем не менее писал ему в 1899 г.: «Но Д(митрий) С(ергеевич) *очень глубок* — это *бесспорно*, хотя Бог не дал ему полета в меру его сил. Он ниже летит, чем сколько есть *у него души для полета*, и это не может не чувствоваться им как трагедия личной судьбы. И затем я к(а)к человека его оч(ень) люблю» [Т. I, с. 488].

В период организации и проведения Религиозно-философских собраний и деятельности журнала «Новый путь» имена Мережковского и членов его кружка почти не сходят со страниц писем. Исследователи творчества Ме-

режковского и истории русского символизма почерпнут из этой переписки немало ценных штрихов.

Однако после революции 1905 г., когда Мережковский увлекся идеями «религиозной общности» и стал выступать в более оппозиционном духе, не только Розанов, но и Перцов отошли от него и открыто критиковали его суждения. Достаточно вспомнить слова Розанова из письма 1908 г., что письма Перцова о Мережковском, «свеже-покрашенных левых» и вообще о «леваках» — лучшее из того, что он читал на эту тему [Т. II, с. 194].

В связи с изменившимся отношением Перцова к своему бывшему миру рубежа веков следует отметить и упомянутую в комментариях заметку в серии «Литературные ракушки» [Т. I, с. 910] с отрицательной рецензией на книгу Мережковского «Большая Россия», в которой критик обвинил Мережковского в холопстве перед «уличным радикализмом» [Т. II, с. 297].

Тут к месту будет вспомнить замечательное обобщение Розанова из характеристики 1912 г., приложенной к архивным письмам Перцова, где говорится, что Перцов «умнее Мережковского» [Гончарова, с. 56; Т. II, с. 355], хотя он, в противоположность Мережковскому, бравшему славу «зубом и когтём», только служил ему, не помышляя о личном успехе и имени. Итог, по мнению Розанова, раз за разом сокрушающегося о литературной безвестности друга, был закономерный: приспособленцы и подлецы становились знаменитостями, а Перцов «„всёконечно потонул“ в мраке неизвестности и неуспеха» [Т. II, с. 207].

* * *

В предисловии Е. И. Гончаровой отмечается, что в 1910-е гг. между Розановым и Перцовым произошло охлаждение, которое продолжалось около трех лет, и переписка стала более редкой, а многостраничных писем стало совсем немного. Возобновилась активная переписка в 1915 г., но на характер писем последних лет серьезное влияние оказали политические события.

В предреволюционный период политика, можно сказать, почти развела друзей по разные стороны баррикад: их мнения в эти годы окрашиваются в цвета двух разных, идейно почти противостоящих слоев предреволюционного общества. Скептические суждения тяготеющего к либерализму Перцова приземленнее и трезвее, но в отношении судьбы клонившейся к закату империи он оказался в своих пессимистических предчувствиях более прав. Перцов пророчествовал в 1915 г.: «Я не сомневаюсь в революции после войны» [Т. II, с. 448]. В дни Февральской революции Перцов всецело стоял за республику и был даже «рад перевороту» [Т. II, с. 565].

Можно согласиться с мнением дружившего с Перцовым М. В. Нестерова, который позже, уже в советское время, в одном из писем к С. Н. Дурылину отметил «неизлечимое интеллигентство» их общего друга [Нестеров, с. 287–288].

Если Розанов печалился в это трагическое время «о прекрасном Романове», который «тихо сошел с престола» [Т. II, с. 573], то Перцов без всякого уважения отзывался о царственных особах, во многом повторяя расхожие сплетни. Розанов писал Перцову: «Ваши письма с 1916 г(ода) правда ужасно огорчали меня. Особенно Н(иколай) *Гнилой* и М-те *Распутина*» [Т. II, с. 579, 590]. Розанов упрекал Перцова в рецидиве оппозиционного радикализма: «Вы превратились в Ник. Михайловского Младшего» [Т. II, с. 591].

Розанов, как известно, видел в Распутине исключительное историческое явление, своего рода воплощение своего «фаллического культа» [Т. II, с. 613] и «египетского» отношения к полу, настоящего «Аписа»: «„Гришка“ есть величайший феномен религиозной истории...» [Т. II, с. 579]. Перцов же после безудержной апологии Распутина Розановым как «мистериальной личности» «из четвертого измерения» назвал друга царской семьи «апостолом дьявола», а Николая II, будто бы допустившего превращение семьи «в распутинский предбанник», — «псевдоцарем» [Т. II, с. 449]. Дружба была в этот момент на грани разрыва.

В апреле 1917 г. Розанов в предчувствии большевистского переворота писал: «Время наше страшно. Если вправду России придется сделаться марксистской и социалистической, то, конечно, *я умер и никогда не воскресну*. (...) Тогда умерла цивилизация, христианство, религия, культура» [Т. II, с. 583]. Эти мрачные настроения Розанова с огромной силой отразились, после того как большевистская революция совершилась, в его знаменитом «Апокалипсисе нашего времени».

Розанов искренне скорбел о крахе монархии, но он был вынужден в печати скрывать свои взгляды. В письмах же то и дело еще проявляются его подлинные монархические настроения. Он отмечает, что после прихода к власти с революционеров ниспал ореол жертвенности за народ: «Вообще у революции стали вдруг вырастать рога и копыта» [Т. II, с. 584].

Не всё так просто и с Перцовым. Он сам отмечал после Февральской революции, что его пессимизм относительно монархической власти оказался вернее переменчивости Розанова и ненавистного ему М. О. Меньшикова, при смене власти печатно отрекшегося от монархии [Т. II, с. 565].

Уже в марте 1917 г. Перцов упрекал Розанова в том, что он «благовестит за республику» [Т. II, с. 567], противопоставляя его колеблющимся настроениям неизбывные страдания их общего друга, подлинного монархи-

ста М. В. Нестерова. Для Нестерова рухнул весь традиционный уклад России, с опорой в виде царя и православия, только что изображенный им как незыблемая основа Святой Руси на картине «Душа народа» (1917).

Перцов не печалится по поводу эпохальных драматических перемен, воспринимая их просто как данность, но не забывает упрекнуть Розанова за то, что под псевдонимом «Обыватель» он печатал в последних номерах уходящего «Нового времени» вещи диаметрально противоположные монархическим заявлениям в письмах.

А в письмах Розанова после Февральской революции с нарастающей силой на смену недавнему консерватизму идет сумятица настроений с преобладающим трагическим ощущением конца русского царства и нарастанием антихристианских настроений. Перцов и в дальнейшем, несмотря на трагическое время, не забывает подшучивать над «гремучей смесью» монархических, антихристианских и сексуальных заявлений Розанова.

Еще больше усложнились отношения двух корреспондентов после Октябрьского переворота. Их по-прежнему тянет друг к другу, однако они всё более различно смотрят на вещи. Ломка традиционных устоев общества, бытовые неурядицы, голод и холод потрясли Розанова. Десять выпусков «Апокалипсиса нашего времени» Розанова, изданные в 1917–1918 гг., стали одним из ярких литературных свидетельств трагической переломной эпохи.

Однако пессимистические картины гибели Русского царства и вселенской катастрофы в период революции весьма неожиданно не просто окрасились у Розанова в цвета вновь проявившегося «фаллического культа», но и сосредоточились на антихристианских выводах о виновности Христа в гибели традиционной России. Розанов отвергает Новый Завет как воплощение сокрушенного аскетического христианства, и все мысли голодного писателя, не связанные со страданиями из-за нехватки еды и тепла, сосредотачиваются на ретроспективных мечтах о райских временах Древнего Египта и ветхозаветного Израиля. Он ощущает себя последним еврейским пророком и цитирует в письме 1918 г. к Перцову из своего бунтарского «Апокалипсиса»: «...если и не случится, что я перейду в Еврейство, то лишь по лености (...) на самом-то деле я всегда был евреем» [Т. II, с. 610].

Антихристианские настроения Розанова, вспыхнувшие с новой силой и открыто выраженные им в десяти опубликованных выпусках «Апокалипсиса нашего времени», вызвали у Перцова, как и на рубеже веков, реакцию отторжения. Но Перцов не оттолкнул друга, ощущавшего себя то ли язычником-«египтянином», то ли «последним иудейским пророком», и помогал ему выжить, организовав присылку из Костромы спасительного для семьи в голодное время толокна.

Прочтя в марте 1918 г. 4-й выпуск «Апокалипсиса нашего времени», Перцов, как и на рубеже веков, ироническиотреагировал на антихристианские иеремиады Розанова: «Друг мой! Вы — какой-то Чичиков *в религии*» [Т. II, с. 616]. Розанов, одержимый в это время пророческим пафосом, был насмешливым тоном друга очень обижен.

Однако Перцов настаивал на своем давно продуманном мнении о несостоятельности религиозных воззрений Розанова, резко обнажившейся после революционной катастрофы. Свое следующее письмо, вполне бытового характера, он начал с неожиданного и поистине сокрушительного обращения, перекликающегося с его выводами о взглядах Розанова, высказанными в 1898 г.: «Милый мой антихрист!» Это контрастное словосочетание, своего рода оксюморон, показалось Розанову, конечно, еще более обидным. Он хотел даже порвать с другом всякие отношения. Несмотря на обиды Розанова, Перцов не изменил своего мнения: «Не сердитесь за „Чичикова“. Но это правда: какая же у вас „религия“? Религия всегда (и в иудаизме) есть некое „au delà“³, а у вас благоутробие живота моего. И только» [Т. II, с. 618]. Два этих афористических высказывания Перцова, при всей их краткости, — может быть, самая безжалостная и правдивая критика «религии пола» Розанова.

Розанов в предчувствии скорой кончины, даже несмотря на два «оч(ень) грубых письма» [Т. II, с. 619], в июне — июле 1918 г. написал Перцову многостраничное прощальное послание — «длиннейшее и любящее» [Т. II, с. 631] — по поводу связывавшей их двадцатилетней дружбы. Он предался в этом очень выразительном письме подробным воспоминаниям о зарождении их дружеских отношений, о прекрасной атмосфере петербургского литературно-философского кружка «декадентов» и о своем отходе от «тусклых» славянофилов. Теплые, благостные воспоминания о бурных, полных творчества петербургских временах рубежа веков перетекли далее в экстатическое и сумбурное изложение антихристианских взглядов. Несмотря на «кризис» их дружбы, Розанов звал своего друга, временно оказавшегося в Москве, приехать к нему в Сергиев Посад, но эта встреча, которая могла бы быть прощальной, так и не состоялась.

Ни Розанову, ни Перцову прекращать былые дружеские отношения не хотелось. В 1918 г. Перцов после ссоры писал Розанову в примирительном тоне: «Мы хоть и ругаемся, но в глубине души...» [Т. II, с. 634]. За этим отточиен кроется многолетняя, искренняя симпатия, невыразимая словами.

А Розанов после страстного обмена мнениями в письмах по поводу epochальных политических событий отвечал после очередной размолвки, что был

³ неземное (*фр.*).

бы счастлив повидаться и что все их ссоры «конечно, вздор» [Т. II, с. 636]. В последнем дошедшем до нас письме от 7 (20) сентября 1918 г. Перцов подтверждает свое намерение непременно приехать к Розанову в Сергиев Посад и заявляет: «Сердечно же, я думаю, всегда будем близки, как за все эти 20 лет» [Т. II, с. 637].

Так закончилась эта дружеская переписка, в которой отразилась целая эпоха — тревожная, а порой и трагическая, но полная творческих дерзаний и свершений.

* * *

Розанов писал в статье о К. Н. Леонтьеве, что человеческое достоинство надо оценивать «не по судьбе, а по залогам души» [Розанов 2001, с. 328]. Перцов же в одном из писем подметил, что Розанов — «охотник до домашних философов. *Philosophia domestica*⁴ — любимая ваша школа» [Т. I, с. 568]. Эта духовная чуткость Розанова, его умение отделять официальную репутацию от потенциальных задатков «домашнего» (или, лучше сказать, доморощенного) мыслителя — самобытных, но не снискавших популярности талантов — является важной частью его уникального писательского дара. Среди таких «домашних», не получивших известности литераторов с задатками оригинальных мыслителей, которых выделял Розанов, можно упомянуть, например, его современников П. А. Кукова, Ф. Э. Шперка, И. Ф. Романова-Рцы. В каком-то смысле к этой философской «школе» глубоких и подававших надежды, но по разным причинам не реализовавшихся в полной мере русских талантов можно отнести и самого Перцова, главное произведение которого так и осталось, в виде незавершенных черновиков, его «домашним» делом.

Если Перцов и заслуживает быть отнесенным к подобного рода «доморощенным» мыслителям, то не столько за его многочисленные и вполне профессиональные сочинения на литературные, публицистические или искусствоведческие темы, которые он печатал на протяжении всей жизни где придется, сколько за так и не завершённый философский труд, с которым были связаны потаенные мечты Перцова о существенном вкладе в отечественное любомудрие.

К сожалению, сколько ни торопил и ни подстегивал его Розанов, Перцов так и не смог сосредоточиться на главном труде своей жизни, всё откладывая его выполнение на потом. А «потом» наступила суровая в отношении философского идеализма советская эпоха, когда подобные метафизические сочинения уже действительно были не ко времени. Тем не менее из письма

⁴ домашняя философия (*лат.*).

1930 г. к профессору Д. Е. Максиму мы знаем, что замысел к этому времени сам по себе дозрел и «хочет наружу». Автор очень высоко оценивал свое так и не рожденное «детище»: по его мнению, этот труд «мог бы одним движением неузнаваемо изменить „течение умов“» (цит. по: [Резниченко, с. 77]). А из переписки Перцова с С. Н. Дурьиным [Резниченко, с. 80–82] следует, что Перцов интенсивно работал над своей «Шехеразадой» (то есть «Космономией») почти до самой кончины в 1947 г. Амбициозный замысел Перцова, который наверняка обеспечил бы ему сегодня заметное место в философии, остался нереализованным.

Жизнь Перцова после смерти Розанова не отличалась ни яркостью событий, ни значительными творческими свершениями, если не считать издания в 1933 г. небольшим тиражом «Литературных воспоминаний». Это было тихое, медленное, но неизбежное угасание.

Перцов сильно нуждался и жил в основном распродажей библиотеки и богатейшего архива, хотя история символизма никого тогда не интересовала. Очень показательно, что Перцов скрашивал свое «свиное одиночество» чтением сочинений еще одного непризнанного «конструкциониста» — Константина Леонтьева.

Он завершал свой жизненный путь в полной безвестности, так как не мог, да и не очень хотел вписаться в ту идеологию, которая воцарилась в России после революции. Он жил одиноко, переписывался с С. Н. Дурьиным и М. Н. Нестеровым, с которыми наедине мог быть вполне откровенным.

Перцов, хорошо зная искусство и архитектуру, для заработка занимался в советское время составлением идейно нейтральных путеводителей, поправлял, тщетно надеясь издать, ранее им написанную «Историю русской живописи», упорно трудился, несмотря на бесперспективность, над своим «исповеданием веры» («Космономией») и продолжал писать замечательные «Литературные воспоминания». После революции закончил он и работу над «Литературными афоризмами», в которых наряду с классиками русской словесности от Пушкина до Толстого нашлось место и для глубоких высказываний о Василии Розанове.

Любопытное свидетельство, касающееся последних лет жизни Перцова, пришло с неожиданной стороны. Небезызвестный писатель и рассказчик Иракий Андроников, ставший в молодости свидетелем приема в Московскую писательскую организацию в 1942 г. престарелого, больного и сильно нуждавшегося Перцова, создал позже яркую, но вместе и лукавую из-за очевидных умолчаний зарисовку сцены спасения от нищеты этого серьезного, много сделавшего в литературе писателя, поданную как благодеяние из жалости ко всеми забытому реликту из прошлого [Андроников, с. 327–332].

* * *

Сегодня наступили иные времена, когда подлинные литературные и философские таланты постепенно возвращаются из небытия и обретают новое существование в современных изданиях. Как уже говорилось, творческая судьба Розанова сложилась самым благоприятным образом. Что касается «возвращения» Перцова, то есть надежда, что издание его обширной и очень содержательной переписки с Розановым пробудит желание собрать и издать наконец том самых интересных литературных и философских статей этого умного мыслителя и незаслуженно полузабытого писателя, а также вдохновит исследователей на дальнейшее изучение и научное издание свода всех главных фрагментов его недостроенной системы развития мировой культуры с загадочным названием «Космономия».

Хотелось бы также надеяться, что после данной статьи читателям захочется обратиться непосредственно к текстам этой динамичной, колоритной переписки. Самое драгоценное в любом эпистолярном диалоге — это те психологические нюансы взаимоотношений и мимолетные жизненные детали сиюминутных настроений, которые спонтанно запечатлелись в текущей корреспонденции и которые не воспроизвести в их целостности ни в вырванных из контекста цитатах, ни в самых тщательных и объективных обобщениях. Поэтому читатель двухтомной переписки Розанова и Перцова, самостоятельно погружившись в одухотворенную историческую атмосферу написанных более ста лет назад строк, испытает истинное эстетическое наслаждение и почувствует, что многие из тех проблем, которые были животрепещущими столетие назад, по-прежнему сохраняют свою актуальность и для нашего тревожного и быстротекущего времени.

Литература

- Андроников — Андроников И. Л. Рекомендация Перцову Петру Петровичу // Андроников И. Л. Избранные произведения: В 2 т. М.: Худож. литература, 1975. Т. 2. С. 327–332.
- Воспоминатели мгновений — Воспоминатели мгновений: Переписка и взаимные рецензии В. В. Розанова и П. П. Перцова, 1911–1916 / Изд. подгот. А. Дмитриев и Д. Федоров. СПб.: Росток, 2015. 447 с.
- Гиппиус — Гиппиус З. Живые лица / Сост., вступ. ст. и примеч. А. Н. Николюкина. М.: Олма-Пресс, 2002. 448 с.
- Гончарова — Гончарова Е. И. Парабола «великой и прекрасной» дружбы // Переписка В. В. Розанова и П. П. Перцова: (1896–1918): В 2 т. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2023. Т. 1: На новые пути: (1896–1902). С. 5–70. (Русские беседы).
- Лавров 1996 — Лавров А. В. Введение в «Диалогию» П. П. Перцова // Канун: Альманах. СПб.: [б. и.], 1996. Вып. 2: Полярность в культуре. С. 204–216.

- Лавров 2002 — *Лавров А. В.* Литератор Перцов // Перцов П. П. Литературные воспоминания: 1890–1902 гг. М.: Новое литературное обозрение, 2002. С. 5–34.
- Налепин, Померанская — Письма В. В. Розанова П. П. Перцову // Розанов В. В. Сочинения / Изд. подгот. А. Л. Налепин, Т. В. Померанская. М.: Советская Россия, 1990. С. 489–516.
- Нестеров — *Нестеров М. В.* Письма. Избранное / Вступ. ст., сост. и коммент. А. А. Русаковой. 2-е изд. Л.: Искусство, 1988. 536 с.
- Перцов 1899 — *Перцов П. П.* Эквилибристика В. В. Розанова // Русский труд. 1899. № 45, 6 нояб. С. 5–7.
- Перцов 1994 — *Перцов П. П.* Литературные афоризмы / Публ. [вступ. ст. и примеч.] Т. В. Померанской // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. Вып. 1. С. 212–236.
- Перцов 1996 — *Перцов П. П.* Введение в «Диалогоию» / Публ. А. В. Лаврова // Канун: Альманах. СПб.: [б. и.], 1996. Вып. 2: Полярность в культуре. С. 217–243.
- Перцов 2002 — *Перцов П. П.* Литературные воспоминания: 1890–1902 гг. М.: Новое литературное обозрение, 2002. 496 с.
- Перцов 2009 — *Перцов П. П.* Основания Космономии. Часть первая: Морфология. Отдел второй: Мировой философский процесс. Глава IV: [Первые] восточники [(«Славянофилы»)] // Энтелехия. 2009. № 19. С. 84–101.
- Резниченко — *Резниченко А. И.* П. П. Перцов: Морфология недостроенной системы // Энтелехия. 2009. № 19. С. 76–83.
- Розанов 2000 — *Розанов В. В.* Апокалипсис нашего времени / Под общ. ред. А. Н. Николюкина. М.: Республика, 2000. 429 с.
- Розанов 2001 — *Розанов В. В.* Литературные изгнанники: Н. Н. Страхов. К. Н. Леонтьев / Под общ. ред. А. Н. Николюкина. М.: Республика, 2001. 477 с.
- Розанов 2008 — *Розанов В. В.* Природа и история: Статьи и очерки 1904–1905 гг. / Под общ. ред. А. Н. Николюкина. М.: Республика; СПб.: Росток, 2008. 766 с.
- Розанов 2010a — *Розанов В. В.* Листва. Уединенное. Опавшие листья: [Короб первый]. Опавшие листья: Короб второй и последний / Под общ. ред. А. Н. Николюкина. СПб.: Росток, 2010. 591 с.
- Розанов 2010b — *Розанов В. В.* Литературные изгнанники. Книга вторая: П. А. Флоренский. С. А. Рачинский. Ю. Н. Говоруха-Отрок. В. А. Мордвинова / Под общ. ред. А. Н. Николюкина. М.: Республика; СПб.: Росток, 2010. 957 с.
- Розанов 2014 — *Розанов В. В.* Письмо в редакцию // Розанов В. В. Полн. собр. соч.: В 35 т. СПб.: Росток, 2014. Т. 1. С. 693–695.
- Т. I — Переписка В. В. Розанова и П. П. Перцова: (1896–1918): В 2 т. / Изд. подгот. Е. И. Гончарова и О. Л. Фетисенко. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2023. Т. 1: На новые пути: (1896–1902). 784 с. (Русские беседы).
- Т. II — Переписка В. В. Розанова и П. П. Перцова: В 2 т. / Изд. подгот. Е. И. Гончарова и О. Л. Фетисенко. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2023. Т. 2: Под колесами истории: (1903–1918). 784 с. (Русские беседы).
- 1900 год — 1900 год в сочинениях Василия Розанова, Ивана Романова-Рцы и Петра Перцова / Изд. подгот. А. Дмитриев и Д. Федоров. СПб.: Росток, 2014. 928 с.

References

- Andronikov, I. L. (1975). 'Rekomendatsiya Pertsovu Petru Petrovichu', in: *Izbrannyye proizvedeniya*. 2 vols. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. Vol. 2, 327–332.

- Dmitriev, A., Fyodorov, D., eds. (2014). *1900 god v sochineniyakh Vasilisa Rozanova, Ivana Romanova-Rtsy i Petra Pertsova*. Saint Petersburg: Rostok, 928 p.
- Dmitriev, A., Fyodorov, D., eds. (2015). *Vospominateli mgnovenii. Perepiska i vzaimniye retsenzii V. V. Rozanova i P. P. Pertsova, 1911–1916*. Saint Petersburg: Rostok, 447 p.
- Gippius, Z. (2002). *Zhivye litsa*. Ed. by A. N. Nikolyukin. Moscow: Olma Press, 448 p.
- Goncharova, E. I. (2023). 'Parabola «velikoy i prekrasnoy» družby', in: *Perepiska V. V. Rozanova i P. P. Pertsova (1896–1918)*. 2 vols. Saint Petersburg: Izdatel'stvo «Pushkinskii Dom». Vol. 1, 5–70.
- Goncharova, E. I., Fetisenko, O. L., eds. (2023). *Perepiska V. V. Rozanova i P. P. Pertsova*. 2 vols. Saint Petersburg: Izdatel'stvo «Pushkinskii Dom». Vol. 1. Na novye puti (1896–1902), 784 p.; Vol. 2. Pod kolesami istorii (1903–1918), 784 p. (Russkie besedy).
- Lavrov, A. V. (1996). 'Vvedenie v «Diadologiyu» P. P. Pertsova', in: *Kanun. Al'manakh*. Saint Petersburg: [s. n.]. Issue 2. Poliarnost' v kul'ture, 204–216.
- Lavrov, A. V. (2002). 'Literator Pertsov', in: Pertsov, P. P. *Literaturnye vospominaniya. 1890–1902 godov*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 5–34.
- Nalepin, A. L., Pomeranskaya, T. V., eds. (1990). 'Pis'ma V. V. Rozanova P. P. Pertsovu', in: Rozanov, V. V. *Sochineniya*. Moscow: Sovetskaya Rossiya, 489–516.
- Nesterov, M. V. (1988). *Pis'ma. Izbrannoe*. Ed. by A. A. Rusakova. 2nd ed. Leningrad: Iskusstvo, 536 p.
- Pertsov, P. P. (1899). 'Ekvilibristika V. V. Rozanova', *Russkii trud*, 45 (Nov. 6), 5–7.
- Pertsov, P. P. (1994). 'Literaturnye aforizmy', ed. by T. V. Pomeranskaya, in: *Rossiiskii arkhiv*. Moscow: Studiya TRITE. Issue 1, 212–236.
- Pertsov, P. P. (1996). 'Vvedeniye v diadologiyu', ed. by A. V. Lavrov, in: *Kanun. Al'manakh*. Saint Petersburg: [s. n.]. Issue 2. Poliarnost' v kul'ture, 217–236.
- Pertsov, P. P. (2002). *Literaturnye vospominaniya. 1890–1902 gody*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 496 p.
- Pertsov, P. P. (2009). 'Osnovaniya Kosmonomii. Chast' 1. Morfologiya. Otdel 2. Mirovoi filosofskii protsess. Glava IV. [Pervye] vostochniki [(«Slavyanofily»)]', *Entelekhija*, 19, 84–101.
- Reznichenko, A. I. (2009). 'P. P. Pertsov: Morfologiya nedostroennoi sistemy', *Entelekhija*, 19, 76–84.
- Rozanov, V. V. (2000). *Apokalipsis nashego vremeni*, ed. A. N. Nikolyukin. Moscow: Respublika, 429 p.
- Rozanov, V. V. (2001). *Literaturnye izgnanniki. N. N. Strakhov, K. N. Leont'ev*, ed. by A. N. Nikolyukin. Moscow: Respublika, 477 p.
- Rozanov, V. V. (2008). *Priroda i istoriya: Stat'i i ocherki 1904–1905 godov*, ed. A. N. Nikolyukin. Moscow: Respublika; Saint Petersburg: Rostok, 766 p.
- Rozanov, V. V. (2010). Listva (Uedinennoe, Opavshie list'ya (Korob pervyi). Opavshie list'ya. Korob vtoroi i poslednii. Saint Petersburg: Rostok, 957 p.
- Rozanov, V. V. (2010). *Literaturnye izgnanniki. Kniga 2. P. A. Florenskii, S. A. Rachinskii, Yu. N. Govorukha-Otrok, V. A. Mordvinova*, ed. by A. N. Nikolyukin. Moscow: Respublika; Saint Petersburg: Rostok, 957 p.
- Rozanov, V. V. (2014). 'Pis'mo v redaktsiyu', in: *Polnoe sobranie sochinenii*. 35 vols. Saint Petersburg: Rostok. Vol. 6, 693–685.